



И С С А

перевод Т. Соколовой — Делюсиной из: "Иностранная литература", #5–6, 1992, стр.139
От переводчика (сокращено):

Лети же сюда. С тобой поиграем вместе, Воробышек — сирота!

Сочинил в 6 лет. Ятаро Кобаяси, псевдоним — Исса. Последний великий мастер хайку.

Родился в 1763 г., глухая горная провинция Синано, деревушка Касивабара.

Первенец зажиточного крестьянина Ягохэя Кобаяси. Рано лишился матери, нелюбимый пасынок. Подростком отправлен в Эдо. Стал профессиональным поэтом. В 39 лет вернулся в деревню. Вскоре умер отец; тяжба с мачехой и младшим братом из-за наследства. Получил долю через 12 лет; в 50 лет обзавёлся семьёй. Оставив Эдо, поселился в деревне, обрабатывал поле и писал хайку. Четыре сына и дочь умерли в малолетстве. Вскоре умерла любимая жена Кику. Её не забывал, женился ещё дважды. Скончался 1827, единственный ребёнок, продолживший род, родился после его смерти.

20 000 хайку, несколько произведений жанра хайбун (дневники, путевые заметки, эссе), наиболее значительная книга прозы и стихов "Моя весна". Созрелись хайга Исы, сочетающие поэзию, каллиграфию, живопись.

Школы не создал. Упадок хайку после Басё (1644 — 1696). Время внешних эффектов, комизма, парадоксов, появляются просторечия и диалектизмы. Пренебрежение канонами.

Исса — "возвышение низкого".

Японцы любят и сейчас.

- [Исса](#)

- [Хайку](#)

- *

- [Седьмой день года](#)

- *

- [Голубь — сове...](#)

- *

- *

- *

- *

- *

- *

- *

- *

- *

- *

- *

- *

- *

- *

- *

- [*](#)
- [*](#)
- [*](#)
- [*](#)
- [*](#)
- [*](#)
- [*](#)
- [*](#)
- [*](#)
- [*](#)
- [*](#)
- [*](#)

■ [Тоскливо становится сиротке...](#)

■ [Когда радостей слишком много...](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Новый год
Всё никак войти не решится
В лавку старьевщика.

Седьмой день года

Грязь под ногтями
Перед свежей петрушкой и то
Как-то неловко. [\[1\]](#)

Тает снег.

В небе ночном — умытая

Пухленькая луна.

Эй, сова,
Гляди веселее. Льётся
Весенний дождь.

*

Вот радость-то!
Первый день года, и первый комар
Меня укусил.

Растаял снег.

Смотрится в лужи, тараща глаза,

Шалунья — луна.

Снова весна.

Приходит новая глупость

Старой на смену.

Жемчужиной светлой
Новый год засиял и для этой
Маленькой вошки.

*

Кровельщик.
Зад ему обвеваает
Весенний ветер.

Первая бабочка.
Всю ночь она проспала
В миске собачьей.

*

Пчёлка в траве,
И в следующий раз родись
На меня непохожей.

Прохладно!
Ведь мне ещё так далеко
До Амида-будды.

Беззаботно-бездумно
Кружатся в воздухе бабочки,
А скряга сидит один.

*

Громко пукнув,
Лошадь подбросила кверху
Светлячка.

От людских голосов
Пугливо вздрагивают по вечерам
Красавицы вишни.

Прохладный ветер,
Пригнувшись к земле, изловчился
Достать и меня.

Тишина.
На дне озера белеет
Облаков гряда.

Летний дождь.

Горы Титибу^[2] увижу вдали -

Сжимается сердце.

*

После ванны
К голому заду прилип
Листик аира.

Глянь-ка, монах
В поле справляет нужду,
Прикрываясь зонтом.

*

Если гость забредёт,
Поскорее прикинься лягушкой,
Спелая дыня.

*

В полуденный час
Растворяюсь — один-одинёшенек -
В лазурном небе.

*

Как на ветру
Лепестки мака, кольшутся
Передние зубы.

*

Белые росы

Решительно топчет ногами

Большая ворона.

За пятьдесят лет ни одного дня не прожил в довольстве, но вот этой весной взял себе жену...

Эй, кукушка,
Не стукнись, смотри, головою
О месяца серп!

Лунная ночь.
Нагишом воздушные ванны
Принимают улитки.

*

"Во-от такой!" -
Разводит дитя руками,
Показывая пион.

Снова напрасно
Клюв широко раскрывает
Птенец неродной.

Осенний вечер!
За иголку, вздохнув, берётся
Путник усталый.

Деревня в горах.

В каждой миске с похлёбкой -

Полная луна.

Снова зарница.
Даже ночью спрятать непросто
Свои морщины.

*

Кузнечики,
Усы по плечам распустив,
Звонко стрекочут.

Побережье Сото-но хама

Стали сегодня Вы японскими. [\[3\]](#)

Спите спокойно

Дикае гуси!

*

Сегодня утром
Тихонько упал на землю
С дерева лист.

Тсс... Хоть на миг
Замолчите, сверчки луговые.
Начинается дождь.

Пути мирские опаснее горных и водных...

Холодный ветер.

Ночь на скрещенье дорог встречает

Нищий певец.

Ради людей
Под зимним дождиком мокнет
Великий Будда.

Первый иней.
С прошлого года не по зубам
Солёная редька.

Первый снег.

С веранды упали на землю

Старые дзори.[\[4\]](#)

*

Первый снег
Лежит, всеми забытый,
На заднем дворе.

*

Ночью под снегом
Спят, прижавшись друг к другу,
Горы Синано.

К задней стене

Прильнули — авось не прогонят -

Нищенки-снежинки.

*

Круглится
Ямка от струйки мочи.
Снег у ворот.

*

Клюв свой раскрыв,
Запеть не успел крапивник.
Кончился день.

Тлеют угли.

Вода — тин-тин — в котелке.

Ночной дождь.

*

Луна в горах
Льёт свой свет благосклонно
На крадущих цветы.

Перед храмом Дзэнкодзи

На чумазах котят
Так похожи серёжки ивы,
А ведь тоже цветы!

"Вишни, вишни цветут!" -
И об этих старых деревьях
Пели когда-то...

*

Будда изволит
Почивать, а тут этот шум -
Деньги, цветы...

В монастыре Мёсэндзи был мальчик-монах по имени Такамару...

В монастыре Мёсэндзи был мальчик-монах по имени Такамару. В нынешнем году ему исполнилось одиннадцать. Так вот, этот мальчик на седьмой день третьей луны, воспользовавшись тем, что погода стоит тёплая и ясная, отправился в Араисака; сопровождал его монах по имени Канрё, человек крепкого телосложения, грубый и сильный. В Арасаика собирали они омежник, пастушью сумку и другие травы, как вдруг с горы Иидзуна налетел ветер и хлынули чёрными потоками талые воды, бурля и полня окрестности диким рёвом. Не знаю уж, как это случилось, но только, проходя по мосту, мальчик внезапно оступился и упал в реку. Над водой то показывалась его голова и слышались крики: "Эй, Канрё, помоги, помоги!" — то, уже в другом месте, появлялась рука, но голос был всё слабее и очень скоро, подобно комариному писку, замер вдали. Таково было последнее проявление его в этом мире. Печально, право! Поглощённый бурным потоком, мальчик исчез, будто и не было его. С громкими криками поспешили к месту несчастья жители ближайшей деревни, зажгли факелы, стали искать повсюду и в конце концов обнаружили зажатое утёсами тело. Когда, вынеся мальчика на берег, они всевозможными средствами пытались вернуть его к жизни, из рукава платья выпало несколько ростков подбела. Многие сразу же представили себе, как, вернувшись домой живым и невредимым, мальчик принёс бы эти ростки своим домашним, — и даже грубые жители гор, которым сам чёрт не страшен, все как один принялись выжимать враз промокшие от слёз рукава. Однако делать нечего — положили они тело на носилки и поздно ночью принесли в монастырь. Отец и мать мальчика выбежали навстречу: "Наконец-то!" — но тут же зарыдали громко, глаз людских не стыдясь.

Вот так, перед лицом несчастья, даже тот, кто неустанно проповедует людям тщетность всего мирского, сам оказывается во власти земных привязанностей, мешающих ему достичь душевной чистоты. Утром этот мальчик, смеясь, вышел за ворота, а вечером его принесли обратно бездыханным. Разве можно было остаться ко всему этому равнодушным?

На девятый день состоялся обряд погребения, и я тоже шёл вслед за гробом.

Думал ли я,
Что увижу, как в дым обратится
Нежный росток,
Едва развернуть успевший
Первый зелёный лист?

Подбел, одуванчики долгие дни и луны прятались под снегом и вот, дождавшись первого весеннего ветерка, весело подняли над проталинами свои головки навстречу свету этого мира, но безжалостная рука оборвала их. Право, их жалко не меньше, чем родителей мальчика-монаха Такамару. Ведь Учение гласит, что просветления могут достичь и травы, и деревья, и земля, и камни. Значит, все они таят в себе частицу Будды.

Лягушка

В гляделки, наверно, решила,

Со мной поиграть.

Толстый кот,
Лениво хвостом шевеля,
Дразнит бабочек.

*

Чтоб соловья
Достойно принять, с ограды
Сметаем пыль.

*

Первую дыню
Крепко сжимая в объятьях,
Уснуло дитя.

В доме удача.
Посиди же, муха, на рисе
Ещё немного.

За старца глухого
Меня принимает, должно быть, комар -
Звенит у самого уха.

*

Нежным вьюнком
Нос вытирает старуха,
Громко сморкаясь.

В хижине этой
Так мало жильцов, и мух
Тоже немного.

Прошёл слух, будто в саду...

Прошёл слух, будто в саду у моего друга Набути расцвели пионы невиданной красоты. О местных жителях я уже и не говорю — со всех концов страны люди устремились сюда, утруждая ноги свои единственно для того, чтобы полюбоваться этими пионами. С каждым днём множилось число проходящих. Я тоже как-то зашёл к нему и увидел, что по саду протяжённостью всего в пять кэнов^[5] расставлены изящные, современной работы экраны и навесы от дождя, пионы же — белые, красные, лиловые — цветут повсюду, да так пышно, что и листьев не видно. Более того, есть среди них и жёлтые, и чёрные — словом, такие диковинные, что все просто немеют от изумления. Однако когда, немного успокоившись, я вгляделся пристальнее, цветы эти разом утратили для меня всю свою прелесть. Воистину, рядом с другими неряшливо цветущими, шелестящими на ветру пионами они были подобны разукрашенным трупам рядом с цветущими девами. Хозяин забавы ради смастерил их из бумаги и аккуратно привязал к веткам, желая ввести людей в заблуждение. Причём он вовсе не рассчитывал обогатиться, взимая с проходящих плату, наоборот, он сам тратился на вино и чай для всеё. Что им двигало? Думая об этом, не устаю восхищаться.

Бумажный мусор
Цветами пиона прикинулся
Под сенью листвы.

Невозмутимо
Снизу вверх смотрит на горы
Лягушка.

*

Капли воды

С головы стряхивает лапкой

Толстая жаба.

В провинции Синано...

В провинции Синано, в местечке Сусака, жил аптекарь по имени, кажется, Накамура. Его отец однажды забавы ради убил спаривающихся змей. С той ночи у него в тайном месте стала расти болезненная опухоль, которая постепенно превратилась в страшный нарыв, и однажды, упав без памяти, он в одночасье скончался.

Сын унаследовал дело отца, его звали Сантэцу. Отличался он тем, что имел редкостный, прямо сказать, превосходный мужской признак, с виду словно гриб мацутакаэ. И вот взял он себе жену; когда же впервые собрался соединиться с ней, крепкая дубинка его вдруг опала, став маленькой и мягкой, словно фитиль лампы, и никакого толку от неё не было. Он и конфузился, и раздражался, и негодовал, а в конце концов решил: "Переменю-ка я жену, может, с другой больше повезёт". Сменил он их сотню, но так ничего и не достиг. Он впал в безумную ярость и теперь живёт один.

Я-то думал, что такое бывает только в "Собрании подобранных сокровищ Удзи" или в других древних книгах, но самому быть свидетелем... Люди тихонько шептались, что такова, верно, была месть тех змей — пресечь его род.

Жизнь всех существ и тварей, даже блох и вшей, должно ценить наравне с человеческой. Убивать же спаривающихся животных — самый большой грех.

(Сборник японских легенд и сказаний, XIII век.)

Вишни и те
Могут противными стать
Под писк комаров.

Муравьиная тропка
Не от той ли гряды облаков
Берёт начало?

*

На коже девичьей
Следы от блошиных укусов
И те прелестны.

"Дайте-дайте!" -
Плача, ручки тянет дитя
К светлой луне.

Тоскливо становится сиротке...

Тоскливо становится сиротке, когда дети распевают всем известную песню: "С пальцем во рту у ворот стоит..." Он не играет с другими детьми, а целыми днями сидит, сжавшись в комок, один-одинёшенек под кучей хвороста или мисканта. И так ему грустно...

Лети же сюда,
С тобой поиграем вместе,
Воробьшек-сирота!

Сочинил в 6 лет. Ятаро Кобаяси, псевдоним — Исса

Дурачат людей,
Только приблизишься — нет их,
Светлячки на лугу.

Вечерний туман.
Помнит каждую щель моста
Умная лошадь.

Флейте-манку

Вторит — "Послушай, как надо!" -

Из чащи олень.

В мире людей
Даже луна почему-то кажется
Немного хворой.

*

Дикие гуси,
Ссориться вам не стоит,
Все хороши!

Хижина трезвенника!

Что толку, что рядом цветут

Хризантемы?

Когда радостей слишком много...

Когда радостей слишком много, неизменно приходит беда, таков удел нашего бренного мира. Но как примириться с тем, что эта малышка, которой жить бы ещё и жить, с сосной вековечной равнясь годами, этот маленький зелёный росток, которой и успел-то выпустить всего два весёлых листика, волею случая — так вода попадает внезапно в ухо спящему — была избрана жертвой страшного бога оспы, и по всему её телу высыпала сыпь. Мучительно горько смотреть, как нежный цветок блекнет под грязным дождём.

Прошло три дня, и сыпь стала подсыхать. Обрадовавшись, мы поспешили смастерить "соломенного монаха", чтобы, окропив его вином, выпроводить бога оспы. Но малютка продолжала слабеть, с каждым днём надежд оставалось всё меньше, и наконец на двадцать первый день шестой луны она, вместе с цветами "утренний лик", покинула этот мир. Мать, припав к её мёртвому лицу, громко рыдала, но увы...

В такие минуты хотя и делаешь вид, что смиряешься, говоря: "Жаль, что бегущая вода не поворачивает вспять, а цветы, упавшие на землю, не возвращаются обратно на ветки", — но как же трудно рвать путы желаний и чувств, привязывающие тебя к миру.

Век росинки —

Он и есть век росинки, не более,

И всё же, и всё же...

notes

принято вкушать суп из весенних трав, в.т.ч. петрушки. По поверью, приносит долголетие.

Горы рядом с Касивабарой.

Побережье на крайнем севере острова Хонсю, считавшееся «краем» японской земли.

Соломенные сандалии.

Кэн — 1,81 метра.